

Офицерский
Честь и мею
роман

*Анатолий
Полянский*

Чужие
ордена

Офицерский роман. Честь имею

Анатолий Полянский

Чужие ордена

«ВЕЧЕ»

2019

Полянский А. Ф.

Чужие ордена / А. Ф. Полянский — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Офицерский роман. Честь имею)

ISBN 978-5-4484-8413-1

Генерал Романов со своей только что сформированной дивизией делает все, чтобы заслонить путь коричневой орде, стремящейся захватить Москву... Старший лейтенант Сергеев, попавший в плен к афганским моджахедам, остается командиром, невзирая ни на что... Майор Панарин поднимает бойцов в атаки и контратаки в небывалой по размаху битве за Сталинград... Что объединяет этих столь разных людей? Любовь к Отечеству, чувство долга, честь офицера имеют для них особое, глубинное значение... Книга произведений одного из ветеранов отечественной военно-героической литературы, лауреата литературной премии «Во славу Отечества» и многих других.

ISBN 978-5-4484-8413-1

© Полянский А. Ф., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Излом судьбы	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	31
Глава 13	33
Глава 14	36
Глава 15	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анатолий Филлипович Полянский

Чужие ордена

© Полянский А.Ф., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Излом судьбы

*Памяти моего тестя М.А. Романова,
по чьим воспоминаниям
и написана эта повесть,
посвящаю.*

Автор

Глава 1

События, о которых дальше пойдет речь, произошли давно, более семидесяти лет назад. Многие уже подзабылось, ускользнули из памяти детали, стерлись тонкости всего происходящего в то далекое и смутное время. Но основное осталось, и не могло совсем исчезнуть из воспоминаний. Слишком велики и неоднозначны были сами люди, участвующие в этом трагическом круговороте, не жалевшие ни сил, ни самой жизни, чтобы одержать верх в том смутном, диком аду, где они тогда пребывали. А самое главное – живет в сознании тот главный герой, который все это совершил, и повел за собой плененных и утративших веру в справедливость возмездия соратников, вопреки логике и без малейшей надежды на успех. И победа пришла, несмотря ни на что. Но оказалась она совсем недолгой. Вскоре снова наступить политический мрак, леденящий душу, ждавший тогда и многих неповинных людей с исковерканной судьбой...

Пожалуй, стоит уже открыть имя нашего героя. Тем более что оно совершенно невыдуманное – Романов Михаил Афанасьевич, до войны служивший в Первой Пролетарской дивизии, дислоцировавшейся в Москве и ходившей парадными маршами во время праздников по Красной площади.

Шел сорок первый год. Страна готовилась отметить Международный день трудящихся. Парадную дивизию уже вывели на тренировки. Романов, как всегда, руководил ею. На торжествах он обычно шел мимо Кремля впереди своих орлов, с обнаженной саблей. Миновав Мавзолей, выходил из строя и пропускал мимо себя всю дивизию. После чего поднимался наверх, туда, где слева от вождя и чуть ниже его стояли военные.

Дома Михаилу Афанасьевичу бывать приходилось редко. Даже поздно вечером его часто вызывали на совещания в верха. Сталин любил проводить их по ночам. Так случилось и на сей раз. После обеда Романову позвонили и сказали, что к часу ночи ему необходимо явиться в Кремль. Поэтому он заранее предупредил своего шофера, чтобы тот ни в коем случае не задерживался – Иосиф Виссарионович страсть как не любил опозданий на собрания, жестко за них наказывал, считая это грубейшим нарушением воинской дисциплины. И Романов, зная это, никогда не задерживался, был точен и не допускал ни малейшей задержки. А тут вдруг случилось непредвиденное...

Уже в полночь ему позвонил шофер и, чуть ли не плача, с растерянностью сообщил, что машина сломалась, приехать не сможет. Сердце ушло в пятки. Что делать? Как быть? Дежурная машина уже не успеет. Каким же образом добраться вовремя до Кремля?!

Романов пулей вылетел из дома. Вдруг какая-нибудь попутка подвернется! Но улица была мертва. Даже прохожих не было. Тишина стояла гробовая. Мрак окутывал дома. Редко светились отдельные оконца. Отчаяние овладело им. Неужели он сегодня так оплошает! И чего ему это будет стоить? Можно же и должности лишиться!..

Михаил Афанасьевич сделал несколько лихорадочных шагов по тротуару и замер, услышав вдруг шум двигателя. Из соседнего двора на улицу неожиданно выехала машина, перевозящая нечистоты. Он бросился ей наперерез.

– Стой! Стой, тебе говорят!

Машина чуть не сбила его. Водитель с трудом затормозил. Высунувшись из кабины, испуганно спросил:

– Что случилось, товарищ полковник?

Вместо ответа Романов, быстренько обогнув двигатель, рывком открыл левую дверцу и вскочил на сиденье рядом с шофером.

– Быстро в Кремль! – приказал отрывисто.

– Но моей машине туда нельзя! Ни в коем случае!

И только тут Романов уловил отвратительный душок, стоящий в кабине. Шофер-то, видно, к нему давно привык. Но он был прав: такому транспорту строго-настрого было запрещено ездить в центре.

– Жми под мою ответственность! – распорядился Михаил Афанасьевич. – И пошевеливайся! Опаздываю я! Ну, живо, живо!!!

Это было сказано с такой яростью, что шофер понял: дело тут действительно нешуточное и рванул с места в карьер. Благо улицы были пустынные. Через двадцать минут они были уже возле Спасской башни. И тут на них набросилась охранявшая их стража. Как вы смели! Не положено! Безобразие!

Романов выскочил из машины и, показав пропуск, приказал немедленно отпустить шофера на все четыре стороны, а сам помчался в ворота башни. Через несколько минут он был уже возле зала заседаний. С сильно бьющимся сердцем распахнул входную дверь. Заседание уже началось. За длинным столом сидело человек сорок. Все взоры обратились сразу на него.

– Разрешите, товарищ Сталин? – с трудом выдавил из себя Романов, глядя на вождя, стоявшего во главе стола. Язык повиновался ему с трудом.

Иосиф Виссарионович сердито посмотрел на него и язвительно протянул:

– Изволите опаздывать товарищ Романов...

– Машина сломалась, товарищ Сталин!

– И на чем же вы сумели добраться?

– На говновозке, товарищ Сталин!

Зал грохнул от смеха. Вождь тоже скупно улыбнулся и уже не таким строгим голосом сказал:

– Хороший способ передвижения. Садитесь, товарищ Романов.

Собравшиеся снова рассмеялись. А Романов понял, что прощен и, почувствовав громадное облегчение, торопливо опустился на пустой стул рядом. Сердце екнуло. Пронесло!.. Слава богу!.. А ведь могло и не пронести!..

Больше он уже никогда не опаздывал. А водителю своему крепкую взбучку, конечно, дал. Подвел все-таки тот его. Но наказывать не стал, понимая, что техника всегда может отказать, даже в бою.

Взысканиями Михаил Афанасьевич не любил разбрасываться. Считал, что хороший выговор, правильно подобранное слово действует на подчиненных сильнее, чем наказание.

Глава 2

Романов часто задумывался над своей судьбой. Какая же она у него все-таки получилась изломанная! Сын небогатого крестьянина, он с детства работал в поле, сеял пшеницу, убирал картошку, ухаживал за домашней птицей. Так и думал на всю жизнь остаться хлеборобом. Но вышло иначе. Отец заставил его после школы поступить на курсы пчеловодов (сам он как раз завел пасеку и думал расширить ее). После учебы сын начал помогать ему и вскоре стал заправским пчеловодом. И тут уж окончательно решил, что это его призвание. Он намечал расширить свое пчелиное хозяйство и создать огромную пасеку, известную во всю их Костромскую губернию.

Но не тут-то было. Началась Первая мировая война. И вскоре Михаила Афанасьевича призвали в армию. А, поскольку был он грамотным, стал рядовой Романов посыльным в штабе 4-го стрелкового Императорской фамилии полка. Участвовал в боях, потом его направили в учебную команду. Окончив ее, стал ефрейтором, командиром пулеметного расчета, с которым и отправился снова на фронт. Отвоевал до начала восемнадцатого года, причем Февральскую революцию встретил с восторгом: надеялся, что уж теперь-то он вскоре сумеет распрощаться с армией и вернуться в родной поселок Варавино к своей любимой пасеке. И снова осечка...

В начале апреля семнадцатого его вызвал командир полка и сказал:

– Ты человек способный, Романов, грамоте разумеешь. Такие люди нам нужны. Направляем тебя в Четвертую Московскую школу прапорщиков.

Михаил было заикнулся о своем желании стать пчеловодом. Но куда там! Полковник посмотрел на него осуждающе и, сморщившись, возмущенно мотнул головой.

– Как ты не понимаешь, ефрейтор, что демократической революции необходимы способные, умные кадры? А в сельском хозяйстве могут трудиться простые деревенские работяги, ничего не смыслящие в политике.

Так Романов стал прапорщиком и получил назначение младшим офицером в соседний полк. Октябрьскую революцию встретил у себя на родине, приехав как раз в отпуск.

Большевики тотчас призвали его в свои ряды. С их лозунгами он был вполне согласен и считал, что пора нашему народу обрести свободу и самому руководить страной. Михаила Афанасьевича прикомандировали к управлению Варнавинского уездного начальника, в местном военкомате определили заведующим учетно-мобилизационного отдела. Пробыл Михаил там недолго: через несколько месяцев его, как опытного участника войны, послали на Южный фронт.

В 16-й армии Романов стал командиром роты 232-го стрелкового полка. Принял участие в боях с войсками Деникина. Был тяжело ранен и попал в Тамбовский госпиталь. А выздоровев, опять оказался в самом пекле Гражданской войны. Но на сей раз участвовал в боях с бандами Махно в Воронежской губернии.

Когда наступил наконец мир, перед Романовым встала дилемма: вернуться в родное село и снова заняться пчеловодством, или остаться в армии, где ему предложили должность командира батальона. Михаил Афанасьевич выбрал последнее: привык он за эти годы к армии, сросся с нею. Расставаться уже не хотелось.

Так началась служба Романова в мирное время. Помотало его по стране немало. Где только не был Михаил Афанасьевич: в Средней Азии и Сибири, на Дальнем Востоке и в Запоярье... Возглавлял снова батальон, был начальником штаба полка, а затем и его командиром. В 1939 году неожиданно был переведен в Москву в Пролетарскую дивизию. Тут-то и начались его злоключения, только на сей раз исключительно морального характера...

Неожиданно при родах умерла любимая жена. Это был страшный удар. Он-то думал прожить с нею всю жизнь, считая свой семейный тыл обеспеченным. А тут – на тебе!.. Снова

остался один – гол как сокол. Вдобавок на руках крохотуля-дочка, ее надо поить, кормить, воспитывать...

Пришлось срочно подыскивать няню и менять свой распорядок дня: больше бывать дома возле Катюшки, отрываясь от многочисленных служебных дел, вызывая тем самым косые взгляды начальства. Потому, наверное, и замедлилось продвижение Михаила Афанасьевича по службе: долго ждал он назначения командиром полка, потом начальником штаба дивизии...

Большие неприятности доставил Романову и неприятный инцидент с двумя молодыми командирами, случившийся как раз под новый тысяча девятьсот сорок первый год.

Командир одной из рот капитан Сергеев и его заместитель старший лейтенант Курок пошли как-то вечером поужинать в ресторан «Славутич», расположенный на окраине Москвы, неподалеку от их части. И надо ж было такому случиться, что как раз в это время там отмечали день рождения жены начальника штаба их батальона ее подруги. Компания была небольшая и чисто женская. Друзья расположились за столиком неподалеку от нее, заказали ужин и молча наблюдали, как веселятся знакомые девчата. Все шло хорошо, пока к тем не стали приставать молодые пажоны, кутившие за столиком чуть в сторонке. Вначале они пытались пригласить молодых и очень симпатичных женщин на танцы, подходили по одиночке. Те, конечно, наотрез отказали незнакомцам. Тогда подгулявшие молодцы начали набиваться к ним за стол, предлагая шикарную выпивку и закуску. Когда Сергеев и Курок увидели, что притязания нахальных юнцов-жеребцов начинают переходить границы, решили ввязаться и отогнать пьяниц от жен коллег по полку. Встали, подошли к ним и резко приказали:

– А ну, отхлыньте, пажоны, от дам!

– Не то, что будет? – с ухмылкой спросил молодец в дорогом костюме, дымя папиросой, торчавшей у него во рту.

– Вышибут вас отсюда! – рявкнул Сергеев.

Подскочил официант, а за ним и швейцар. Пажины поняли, что им несдобровать, и примолкли. Офицеры отошли от них и посоветовали дамам закругляться, чтобы не нарваться на какую-нибудь неприятность. Те согласились и через несколько минут покинули «Славутич».

Ротный и его заместитель, посидев еще немного, закончили ужин и расплатились с официантом. Ничего не подозревая, вышли из ресторана и свернули в ближайшую улицу. Там-то их и поджидали вооруженные палками пажины, решившие отомстить за испорченное веселье. Их было шестеро, но отступить было некуда, да и не в правилах краскомов не принимать боя, навязываемого нахальным противником. Они прислонились к стене ближайшего дома, чтобы прикрыть спины, и встретили налетевших молодцов жесткими ударами. Конечно, им тоже досталось: Сергееву повредили плечо, а Курку свернули скулу. Но зато нападавшие получили по полной: троих со сломанными руками и ребрами увезла «скорая», остальные позорно разбежались.

И все было бы ничего, позабылось, – мало ли случается уличных драк, – не случись непредвиденного. Один из попавших в больницу с тремя сломанными ребрами шалопай оказался сыном какой-то важной особы. На другой же день районная прокуратура завело уголовное дело на краскомов, «жестоко избивших ни в чем не повинных молодых людей с помощью боевых приемов, запрещенных к применению в гражданских условиях». Сергеева и Курку вызвали в следственное управление и предъявили обвинение. Поступило распоряжение посадить их, пока идет следствие, на гауптвахту.

Романов, ознакомившись со случившимся, отправился в прокуратуру и попытался доказать невиновность своих ребят. Но куда там... Его и слушать не захотели. Вины ваты – и все! Михаил Афанасьевич попробовал сунуться с этим делом в московскую гарнизонную комендатуру, но и там никакой поддержки не получил. Побывал в штабе округа – тоже бесполезно...

Ребят было страшно жалко. Упекут же в тюрьму ни за что ни про что!.. И тогда он решился пойти к Берии. Может, хоть он поможет. У него ж такой авторитет! А они были хорошо знакомы: вместе нередко сидели в Кремле за праздничными столами.

Лаврентий Павлович выслушал Романова довольно скептически. Поморщился, сказал, что это, конечно, не его епархия, лезть туда не хочется, но уж ладно: постарается разобраться...

Еще через пару дней Романова вызвали в прокуратуру. Берия был уже там. Пригласили следователей, других работников, имевших дело с этим случаем. Они в один голос обвинили во всем офицеров. Лаврентий Павлович выслушал их молча, потом внезапно спросил:

– И сколько ж было тех «невинно пострадавших»? Ага, шестеро... А краскомов? Неужели только двое? Какое прекрасное соотношение!.. Умеют, значит, военные защищать себя, бить врага. Их же награждать надо... – Он помолчал и уже сурово добавил: – Немедленно прекратить всю эту тухлую возню! И чтоб я больше таких вещей от вас не слышал.

Так и закончилась эта история, изрядно потрепавшая Романову нервы.

Глава 3

В эту проклятую ночь Романову так и не удалось заснуть. Внезапно заболела дочь. Часам к двенадцати температура у нее подскочила до тридцати девяти градусов. Девочка хрипела и кашляла. Он не знал, что и делать. Вызвал «скорую», но она явилась лишь под утро. Врач, осмотревший Катюшку, заявил, что у девочки наверняка воспаление легких и ее необходимо срочно везти в больницу, да и там первое время нельзя оставлять без присмотра. Но кто бы это мог сделать, было непонятно. У Романова в тот день начинались учения, и дивизия не могла остаться без него. А вызвать няню не представлялось возможным: она как раз отпросилась на пару дней поехать к старой подруге, с которой не виделась много лет. Вот когда Михаил Афанасьевич остро пожалел, что не обзавелся новой женой. Была бы дочь хоть с какой-то мамой, ну, пусть с мачехой...

Первый раз он женился на своей землячке, бегавшей с ним в одном дворе и учившейся вместе в школе. Михаил Афанасьевич с детства относился к ней с нежностью и не представлял себе иной жены. Она тоже любила его. И вопрос о совместном житье-бытье был решен заблаговременно... После ее смерти он и внимания никакого не обращал на женщин. Считал, что семейная обуза ему вовсе ни к чему. Однако во время болезни дочери пришлось об этом серьезно задуматься. Тогда Романов нашел все-таки выход: помогла немолодая соседка, всегда тепло относившаяся к нему. Она и отправилась с Катюшкой в больницу, побыла там с ней.

Задумавшись о создании новой семьи, Романов стал внимательнее присматриваться к окружающим его женщинам. Вскоре внимание его привлекла начальница «Военторга» Юлия Борисовна Виноградова. Высокая, симпатичная и стройная женщина уже не была юной девой, но все-таки годиков на пять помоложе Михаила Афанасьевича...

Он пригласил ее в ресторан поужинать, заговорил об одинокой жизни... Поскольку обходных путей Романов терпеть не мог, то сразу изложил суть. Юлия Борисовна всё быстро поняла, сказала, что тоже считает его подходящим для нее мужчиной и знает о его сложных жизненных обстоятельствах...

Через пару месяцев они поженились. Хозяйкой она оказалась хорошей, женщиной ласковой и любящей. Одно было плохо. Прожив несколько лет вдвоем, они, как ни старались, не смогли «сделать» ребенка, что обоих страшно огорчало. Он очень мечтал о сыне – наследнике славного рода истинных россиян Романовых, сложившегося пару веков назад. Уж Михаил Афанасьевич как-нибудь воспитал бы из него стоящего мужика...

Книги и учебники по истории Великой Отечественной войны, как правило, утверждают, что она началась внезапно. А так ли это? Романов до конца своих дней уверен: нет, никакой неожиданности не было.

Обстановка в мире была тогда напряженная, если не сказать, грозная. В сорок первом году нацистская Германия всю вела войну в Европе. Захватывались целые страны. Уничтожались тысячи людей. Разрушались города и села. Как же можно было спокойно взирать на все это?

Пакт Молотова – Риббентропа, заключенный недавно и выдававшийся за фундаментальное соглашение о ненападении, у многих (а у военных, знакомых Романову, – практически у всех) вызывал сомнение. Удивительно только то, что Сталин этому документу поверил и приказал войскам соблюдать осторожность и ни в коем случае не предпринимать никаких провокационных действий...

Вот почему, считал Михаил Афанасьевич, армия оказалась не готовой к войне, и удар немцев по Советскому Союзу оказался столь сокрушительным. К Верховному он относился с большим почтением, несмотря на его некоторые искривления в политике, который были видны

всякому здравомыслящему человеку, и на репрессии, обрушившиеся на военных в тридцать седьмом году (Романов считал – необоснованно). Сталин был для него вершителем народных судеб. Тем более что за последние пару лет многие репрессированные были реабилитированы, к чему вождь не мог не приложить своей властной руки. Но вот понять, что Иосиф Виссарионович верил обещаниям Гитлера не нападать на СССР после подписании пакта, Романов не мог до своей встречи со Сталиным.

Произошла она совершенно случайно. Стоял июль месяц сорок первого. Немцы уже бомбили Москву несколько раз, не добившись каких-либо значительных результатов и понеся большие потери в авиации. Романов был вызван тогда в Кремль комендантом столицы для того, чтобы согласовать некоторые вопросы дополнительной охраны правительственных зданий, в которой принимали участие и его бойцы. Он торопился по внутреннему двору мимо Царь-пушки, когда ему навстречу вышла небольшая группа людей во главе со Сталиным. Михаил Афанасьевич хотел быстренько отступить, чтобы не попасться на глаза Самому. Но тот уже заметил его, узнал и знаком подозвал к себе.

– Добрый день, товарищ Романов. Как дела?

– Отлично, товарищ Сталин! – вытянулся Михаил Афанасьевич.

Верховный прищурился и с легкой усмешкой спросил:

– На нестандартных машинах больше не ездите?

Ему, видно, запомнился приезд комдива в Кремль на машине для нечистот. Лица окружающих осветились улыбками, что было сейчас так несвойственно: с начала войны люди ходили хмурыми, озабоченными, смех уже давно не звучал.

– Никак нет, товарищ Сталин! – отчеканил Романов. – Но, если понадобится, всегда готов. Лишь бы были колеса под тобой, если спешишь. Опаздывать никому не позволено.

– Вот это верно, – посуровел Сталин. – Любая задержка может окончиться крахом. Мы как раз сейчас этим грешим... Подготовиться как следует не успели, понадеялись на обещания, а немцы прут, как оголтелые. А мы не торопимся хоть как-то остановить их.

– Надо сил против них побольше бросить, – невольно вырвалось у Романова.

– А где их так быстро взять? – еще больше насупился Верховный.

– Наша дивизия всегда готова! Люди хорошо обучены. Только дайте команду!

– Это-то верно. Небось давно рветесь на фронт?

– С самого первого дня, товарищ Сталин!

Он действительно давно уже просился на передовую, но неизменно получал отказ, чем был страшно недоволен.

– Похвально, – одобрительно протянул Верховный. – Но крепкие резервы нам еще очень понадобятся. Ими нельзя разбрасываться. Так что придется подождать, товарищ Романов.

На том, собственно, и закончился их краткий диалог. Сталин со своей группой прошел мимо, Романов остался стоять на месте с надрывом в душе. Ему казалось, что сейчас нужно все силы бросить против наступающих гитлеровцев и во что бы то ни стало задержать их. Отступая, можно многое, если не все, то очень многое потерять...

Лишь значительно позже Михаил Афанасьевич понял, что Сталин был прав. В той тяжелой обстановке, что сложилась в начале войны, нужно было даже ценой больших потерь хотя бы замедлить продвижение немцев, чтобы накопить резервы и подготовить достойный отпор, что и произошло впоследствии...

Глава 4

Сталин был абсолютно прав: Романов с первого дня войны рвался на фронт. Он не мог понять, почему их прекрасно укомплектованную и хорошо обученную дивизию держат в тылу. Бросают же в бой нередко только что сформированные части, солдаты которых и стрелять-то как следует не умеют. А тут до него после разговора с Верховным дошло: надо же в самом деле иметь надежные резервы! Немцы рвутся к Москве. И кто-то же должен стать у них на пути надежным заслоном. Понял Михаил Афанасьевич неожиданно и другое: Сталин не просто «прошляпил» подготовку Гитлера к нападению на Советский Союз, он просто был человеком слова. И уж если что-то обещал, то выполнял во что бы то ни стало. По-видимому, и главу германского государства считал таким же. Судил по себе. Тот же его клятвенно заверил, что в ближайшие годы нападения не будет. Специально человека в Москву для этого присылал. Романов слышал о недавнем секретном прилете самолета из Берлина. По всей видимости, это и был посланец фюрера...

После неожиданной встречи с Верховным, оставившей в душе какой-то будоражающий след, Романова порадовала еще одна весть. Кто-то из командиров охраны Кремля сказал ему по секрету что приказом Главкома снят с должности начальника Генерального штаба Георгий Константинович Жуков. Дело в том, что при подготовке к парадом на Красной площади Михаил Афанасьевич нередко сталкивался с генералом армии и даже несколько раз вступал с ним в спор. Тот был въедлив и высокомерен. То, что он говорил, должно было считаться законом, даже если порол чепуху. Романову и прежде некоторые комдивы говорили, что Жуков амбициозен и въедлив, придирается по пустякам, заставляет все делать так, как он велит. В это, правда, плохо верилось. Но тут он на собственном опыте убедился в правоте товарищей. Жуков ему даже однажды сердито, с явным осуждением сказал: «Ох и непослушен же ты, Романов, с дисциплинкой явно не в ладах. Смотри, когда-нибудь у тебя на сей счет будут большущие неприятности. Залетишь!»

Эти слова запомнились Михаилу Афанасьевичу, тем более что впоследствии они оказались пророческими... Запомнилась и еще одна встреча в тот же день, уже в штабе гарнизона. Он шел по коридору, когда из одной боковых дверей вынырнул высокий стройный генерал. Романов сразу же узнал Рокоссовского.

Они были знакомы давно, еще с Гражданской войны. Константин Константинович командовал тогда кавалерийским эскадроном, в котором Романов начинал свою службу на фронте. Потом их пути надолго разошлись. Встречались иногда, мельком. А в тридцать седьмом году Романова потрясла весть о том, что Рокоссовский арестован как враг народа. Говорили, что он работал на иностранную разведку...

Михаил Афанасьевич, хорошо зная Костю, никак не мог поверить этому. Да, в двадцать девятом году тот был за границей, воевал в Китае, и воевал, говорят, неплохо. Но чтобы он изменил Родине?.. Нет, не могло быть того! Романов был убежден, что Рокоссовского оклеветали, что полностью и подтвердилось в сороковом году. Константин Константиновича не только выпустили из тюрьмы, сняв все обвинения, но и восстановили в звании и в партии. И это, как понимал Романов, сделал Сталин. Тысячи военных были тогда реабилитированы. И тут без указания Вождя никак не могло обойтись...

Увидев его в коридоре штаба, Рокоссовский заулыбался, большие темные глаза его стали какими-то ласковыми и даже немного озорными.

– Рад тебя видеть, Михаил Афанасьевич! – быстро подойдя, сказал он, обнимая Романова. – Давненько мы не встречались.

– А меня бы и не пустили туда, где ты был, дорогой, – шутливо ответил Романов. – Счастлив видеть тебя целым и невредимым. Могли бы и кости поломать, как некоторым...

– Да уж, – нахмурился Рокоссовский, – там всякое бывало... Ты прав. На себе испытал при допросах. Тяжкие обвинения предъявляли.

– А как же их могли снять?

– Одному богу известно.

– Но бог-то у нас один...

– Вот ему и следует поклониться.

Они поняли друг друга. Оба улыбнулись.

– А я, зная тебя, никогда в эту чепуху не верил, – пожал плечами Романов.

– Вот за то спасибо, дружище! – проникновенно сказал Рокоссовский.

– Иначе и быть не могло. Ведь мы с тобой вместе в окопах спали и беляков били в Гражданскую!

Пройдя по коридору штаба, они вышли на улицу. День стоял солнечный, жаркий и тихий, словно и не было никакой войны. Но Романов сердцем чувствовал, что сие безмолвие опасно и в любой момент может взорваться воем сирен, оповещающем о налете вражеской авиации.

– Ты куда направляешься? – спросил он у старого друга.

– Как и все – на передовую. Командиром бригады Резервного фронта.

– А меня пока туда не пускают, – с огорчением протянул Романов.

– Не горюй. Придет и твой черед. Все там будем. Обстановочка хреновая. Немец прет напрапалую.

– Полагаешь, не остановим?

– Ну что ты! Наших не знаешь?... Долго запрягаем, зато резво скачем. Будет и на нашей улице праздник! Только, пожалуй, не очень скоро...

На том они и расстались. Но предсказание старого друга запомнилось Михаилу Афанасьевичу навсегда, тем более что оно, в конце концов, оказалось вещим...

Глава 5

Осень наступала медленно. Тепло лишь изредка прерывалось небольшими похолоданиями. Но листья на деревьях пожухли быстро и печально опадали с веток, словно плача по тем погибшим, которые ежедневно тысячами клали свои головы на фронте. Потом пошли дожди, тоже плакучие и долгие. Сразу подули сильные ветры, разгоняющие пожары домов от немецких бомбежек. В Москве таких было немало. Несмотря на сильную противовоздушную оборону, гитлеровские самолеты нередко прорывались к столице и нещадно уничтожали жилые кварталы. Потом сразу ударили холода, да такие сильные, что без теплой одежды на улицу не выйдешь, хотя стоял всего сентябрь месяц.

Романов уже устал проситься на фронт. Он готов был даже в одиночку рвануть туда, возглавить хотя бы роту. Но случилось нечто совсем неожиданное. Его внезапно вызвали в штаб и сказали: «Сдавай дивизию. Назначен новый командир». Михаил Афанасьевич был крайне удивлен. За все время пребывания в Москве он не имел ни одного нарекания по службе, только благодарности и награды. Полки были прекрасно обучены, хорошо вооружены, смогли бы под его командованием хорошо противостоять немцам, показать себя в бою. С чего же вдруг такая немилость? Вопрос этот вырвался у него случайно. Кадровик, беседовавший с ним, посмотрел снисходительно и укоризненно заметил: «Экий ты, Романов, скорый на отрицательные эмоции... Может, просто хотят использовать твои руководящие способности. Ты направляешься в Тулу для формирования новой дивизии. Ясно?»

К новому месту службы пришлось ехать одному: жена с дочкой остались в Москве. Катюшке нужно было ходить в школу, а Юлию Борисовну не отпускали с работы. Она по-прежнему руководила «Военторгом», только рангом повыше – гарнизонным, и целыми днями пропадала на службе. Они виделись лишь поздним вечером, да и то не всегда. Жена моталась по частям, расквартированным в столице, обеспечивая их необходимым провиантом. Магазины заметно опустели, а семьи военнослужащих надо было кормить. Вот она этим и занималась.

Тула встретила Романова сильным ливнем. Он буквально промок на привокзальной площади, ожидая запоздавшую машину. В штабе вновь формируемой дивизии царил полный раскардаш. Все бегали, сустились: то обмундирования для новобранцев не хватало, то продуктов, а больше всего – оружия, не говоря уже о боеприпасах, которых насчитывалось по два-три патрона на винтовку... А нужно было обучать солдат стрельбе: им же не на учения предстояло ехать, а на фронт.

Пришлось крутиться, добывать все необходимое с большим трудом, стать не командиром, а снабженцем-попрошкой, к чему Михаил Афанасьевич был не приучен, и это вызывало у него отвращение. Но что поделаешь – надо!..

К концу сентября дивизия была с грехом пополам укомплектована. Началось ее полноценное обучение. И тут вдруг поступил приказ отправляться на фронт. Напрасно Романов пытался доказать, что солдаты еще не готовы к боевым действиям, его и слушать не стали. Обстановка под Москвой такая угрожающая, сказали, что необходимо срочное пополнение ее защитников. Не оставалось ничего делать, как погрузить личный состав в эшелоны и двинуться на запад...

В штабе фронта Романова встретили с облегчением. Наконец-то прибыло пополнение, которого так долго ждали! Немцы прут напропалом и уже близко подошли к Москве. Надо остановить их во что бы то ни стало! Дивизию сразу же бросили на правый фланг, чтобы заткнуть какую-то дыру. Михаил Афанасьевич думал даже, что им придется с хода вступить в бой, но это оказалось не так. Наоборот, на данном участке наступило некоторое затишье. Было

время правильно расположить позиции в обороне и занять их, что Романов и сделал, лично объехав все места, где располагались его полки.

На командном пункте дивизии стояла неестественная тишина. Даже гула разорвавшихся снарядов не было слышно, хотя впереди, как сообщили, шел жестокий бой. Романов склонился над картой, обозначая занятый рубеж. И тут к нему ввели какого-то испуганного майора с артиллерийскими петлицами.

– Вот, задержали типа, удиравшего в тыл, – доложил сопровождающий задержанного конвойный.

– Никуда я не удираю! – возмущенно воскликнул майор. – Искать часть, к которой могу присоединиться.

Он был высок, плечист и строен. Лицо смуглое, лобастое с большими карими глазами, сверкавшими живым, настороженным блеском. Взгляд суровый, пронзительный и какой-то неукротимо-вызывающий. Такого у трусов не бывает.

– Садитесь, – кивнул Романов вошедшему на стул возле стола и отпустил конвойного. – Ну, рассказывайте. Слушаю вас. Только покороче.

– А что рассказывать? – воскликнул майор. – Разбили нашу армию! Немцы нас в несколько раз превосходили. Почти все командиры погибли! А генерала Гончарова расстреляли.

– Кто – немцы?

– Нет, в том-то и дело, что свои! А он храбро воевал...

– Как это свои? Ну-ка отсюда поподробнее.

– Приехал генерал Мехлис...

– Это начальник Главпура, что ли?

– Он, конечно, кто же еще? Гад несусветный! Обвинил Гончарова в трусости и приказал расстрелять перед строем. Меня заставлял это сделать. Но я отказался. И чуть самого к стенке не поставили.

– Вот так – без трибунала и следствия? – ошарашенно спросил Романов.

– Да кабы только одного Гончарова. Он же еще и другого командарма – генерала Каганова – на тот свет отправил. Тоже за отступление! И так же перед строем!

Не поверить тому, что рассказывал майор, было нельзя. Не мог же он придумать такую несусветицу. Да и проверить все это было нетрудно. Но как же мог начальник Главного политического управления Красной армии позволить себе такое? Чтобы, не расследуя и не проверяя, без военного трибунала самолично расстреливать генералов, да еще перед строем!

Несколько лет спустя, уже в мирное время, Романов узнает, что оба генерала – и Гончаров, и Каганов – после войны реабилитированы. Вины их в отступлении войск в сорок первом году практически не было. Мехлис же таким образом проявил непростительное самодурство, став палачом по собственному разумению, нарушил все советские законы, чему нет и не будет прощения. Сталин поздно остановил разгуливающие репрессии, из-за чего погибли сотни тысяч невинных людей...

Глава 6

Немцы явно приближались к позициям дивизии. Отчетливо слышан был уже грохот канонады. Романов дал команду войскам быть в готовности номер один. Резервный фронт, куда они входили, вот-вот должен был вступить в сражение. И тут на их КП неожиданно появился его командующий, генерал армии Георгий Константинович Жуков.

Они с Романовым, как уже упоминалось, были знакомы давно: неоднократно встречались при подготовках к парадам, на совещаниях в Кремле, общались на войсковых учениях. И что характерно, мнения их нередко расходились. Каждый отстаивал свою точку зрения. Романову, как младшему по званию и должности, приходилось невольно отступать, хотя в душе он никогда не признавал себя неправым.

Жуков, по мнению многих, был жесток, суров и самонадеян, не терпел, когда ему противоречили. А такие иногда находились и неизменно за свое непослушание, даже незначительное, строго наказывались. Конфликтов в таких случаях было невозможно избежать. Так случилось и на сей раз.

– Ну, как ты тут, Романов, успел развернуть свои войска? Не проколбасил? – строго спросил Жуков

– Нет, товарищ генерал армии, все сделали своевременно. Вот посмотрите, – Михаил Афанасьевич протянул ему карту с нанесенной на нее боевой обстановкой.

Жуков взял карту и, прищурившись, стал рассматривать ее. Лицо его все больше мрачнело.

– Это что ж такое получается, Романов? – произнес он наконец зловеще. – Как ты расположил полки? Горбыли какие-то, а не боевые порядки! Что ты наделал?

– Оборона построена глубоко эшелонированной, товарищ командующий, – вытянулся Романов. – Немцы же бьют клиньями, наступают вдоль дорог.

– А ты что, боевого устава нашего не знаешь?! – взорвался Жуков. – Как тебя учили? Противнику нужно противопоставлять прочную линейную оборону, как крепость. Чтобы он на нее напоролся и сразу завяз!

– Но обстановка-то диктует иное! – не выдержал Романов. Положение на их фронте была уж больно напряженным, и он чувствовал, что поступает правильно. – Опыт предыдущих боев надо учитывать! Повторяю: фашисты прут клиньями! Бить их надо с боков!

Жуков поглядел на него с неприязнью и жестко отчеканил:

– Ты вот что, Романов, своей тактики тут не придумывай, мать твою!.. Действуй по уставу! Немедленно перестрой боевой порядок. И задержи немца во что бы то ни стало! Это приказ!

Михаилу Афанасьевичу ничего не оставалось делать, как подчиниться, хотя сделал он это с тяжелым сердцем. Зная уже немецкую тактику наступления, Романов и строил свой боевой порядок в соответствии с ней. Именно глубокоэшелонированная с большими зигзагами вдоль дорог оборона могла нанести противнику наибольший урон, в этом он был абсолютно уверен. Но против приказа командующего не поперешь. Пускай тот явно действовал по старинке, как было принято до войны, но что поделаешь? Надо подчиняться... И все же, кое в чем Романов сохранил прежний порядок, оставил все так, как придумал ранее. Это касалось прежде всего артиллерии. Большинство ее он выстроил вдоль магистрали, проходящей через расположение дивизии с запада на восток к Москве. Батареи были расположены «лесенкой» вдоль дороги, что потом уже в бою и сказалось самым положительным образом.

В тот день была у Михаила Афанасьевича и еще одна встреча. Объезжая полки, он на дороге чуть не столкнулся с набольшим вертким газиком, вынырнувшим неожиданно возле одного из боковых поворотов. Хорошо ещё, что водитель сумел затормозить и остановить

машину буквально в трех метра от него. Романов выскочил из вездехода, чтобы выругать неосторожного, если не сказать нахального водителя, прущего незнамо куда. Но из газика неожиданно выбрался старый знакомый еще по прежней службе – Андрей Андреевич Власов – высокий, грузный, плечистый мужик в неизменных своих роговых очках. Он тоже узнал Романова и обнял его. На Власове был серый полушубок с новенькими знаками различия генерал-лейтенанта. Романов знал его на чин ниже и сразу поздравил с присвоением высокого звания. Как выяснилось, Власов только что получил его за успешное наступление его армии в районе Красной Поляны, где была разгромлена большая танковая группировка немецких войск, наступавших на Москву, и освобождены Светлогорск и Волоколамск. За этот подвиг Сталин лично вручил Власову еще и орден Ленина.

– Куда направляешься, Андрей Андреевич? – поинтересовался Романов.

– К новому месту службы, – улыбнулся Власов. Лицо его стало менее суровым и почти добродушным (обычно он всегда держался строго и официально). – Назначен заместителем командующего Волховским фронтом. А ты что тут делаешь, Михаил Афанасьевич?

– Да вот, сформировал новую дивизию, еле успел, а ее тотчас же отправили на передовую.

Власов нахмурился. Густые черные брови его резко сошлось над переносицей, губы сердито поджались.

– Это у нас умеют... Но надо держаться! Позади Москва!

На том они и расстались, пожелав друг другу удачи. Романов и представить себе не мог, при каких обстоятельствах они встретятся в следующий раз...

Глава 7

Немецкое наступление началось уже когда совсем рассвело. Как и предполагал Романов, основной удар наносился вдоль главной магистрали: лавина танков устремилась по дороге, рассчитывая смести все на своем пути. Но там были лишь легкие заслоны, которые быстро отошли, понеся незначительные потери. Бронемашинам позволили вклиниться на несколько километров в глубь обороны, и только тогда открыли огонь батареи, стоявшие замаскированными вдоль шоссе.

Лавина снарядов обрушилась на вражеские танки. Некоторые сразу загорелись, кое-какие по инерции продолжали продвигаться вперед, но их встречал не только огонь орудий, а и противотанковые гранаты и «коктейли Молотова», вылетающие из глубоких окопов, скрытно вырытых вдоль магистрали. Вскоре подбитыми оказались пятнадцать машин. Видя это, остальные в конце концов повернули обратно. Тем более что сопровождавшая их пехота была отсечена жестким пулеметным огнем и залегла вскоре после начала наступления. Атака немцев захлебнулась.

Романов был удовлетворен. Все получилось именно так, как он задумал.

Немцы отошли. Наступило затишье. День склонялся к закату, до темноты оставалось всего пару часов. А ночью фашисты наступали редко, они предпочитали действовать в светлое время. Романов уже знал об этом. Значит, наступала передышка. И нужно было ею воспользоваться. Очевидно, о том же подумал и начальник штаба дивизии полковник Иван Иванович Сергеев, подошедший к Романову на КП.

– Ну что, командир, перетасовывать карты будем или нет? – спросил он хриплым голосом и закашлялся. Невысокая, узкоплечая фигура его судорожно дернулась. На худом продолговатом лице появилось какое-то мучительно-болезненное выражение.

Михаил Афанасьевич еще утром заметил, что его начальник штаба явно простужен, но тогда как-то не придал этому значения. А сейчас вдруг понял, что напрасно: на впалых щеках Сергеева играл болезненный румянец, а высокий бугристый лоб покрыли капельки пота. Температура у него была явно сильно повышена.

– Ты лекарство хоть принял? – сразу поинтересовался Романов. – А то еще в лазарет угодишь. Только этого нам не хватает.

– А-а, пройдет, – махнул рукой Сергеев, – не до того! Лечиться после войны будем. Ты лучше скажи мне, Михаил Афанасьевич, как считаешь: полезут немцы еще раз в том же направлении или изберут другое? От этого все зависит.

Романов задумался. Вопрос действительно был не из простых, от ответа на него многое зависело. Главное: где сосредотачивать силы для отражения новых атак? А то, что они вскоре последуют, ни малейшего сомнения не было. Гитлеровцы остервенело рвались к Москве.

– Полагаю, что они снова выберут центральное направление. Главное, что тут есть где развернуться их танкам, – после паузы раздумчиво сказал Романов.

– А что, если атака начнется в другом месте? – прищурился Сергеев. – И мы не сможем быстро перебросить туда резервы?

– Вряд ли... Насколько я уловил, немцы привыкли к шаблону.

– Смотри, командир, тебе виднее... Но я бы подумал и о других вариантах.

Однако Романов остался при своем мнении. Он был убежден, что противник останется верен себе и ничего в своей тактике не изменит. Как оказалось в ближайшем будущем, Михаил Афанасьевич жестоко ошибался, что и привело к самым трагическим последствиям...

Между тем стало смеркаться, и Сергеев предложил попить чайку «с хорошей закуской». Оба с утра практически ничего не ели – не до того было.

Адъютант принес разогретую кашу с сосисками, и они сели за стол. Романов заставил начштаба, несмотря на все его протесты, принять лекарство от простуды, пригрозив полковнику иначе немедленно отправит его в медсанбат.

За едой постепенно разговорились. Михаил Афанасьевич был в общем-то знаком с биографией своего начштаба, но не очень подробно. А тут вдруг узнал о нем интересные детали. Оказывается, тот, будучи еще совсем молодым красноармейцем, в двадцать первом году участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа, а чуть позже, уже отделенным командиром, – в разгроме Тамбовского восстания. Оба этих эпизода, связанные с Тухачевским, Романова интересовали давно. Он пытался даже кое-что почитать о них подробнее, но все документы были строго засекречены. Все, что касалось расстрелянного маршала и военного заговора против Сталина в тридцатых годах, являлось страшной тайной. Кое-кто даже утверждал, что никакого заговора вовсе не существовало, но Михаил Афанасьевич был уверен, что государственный переворот готовился, и лишь своевременное его раскрытие Сталиным спасло страну от кровавого конфликта, неизвестно чем бы кончившегося. Ведь заговорщики были связаны с гитлеровской разведкой, они хотели задуть те свободы, которые были прописаны в сталинской Конституции тридцать шестого года, объявляющей верховной властью в стране Советы рабочих и крестьянских депутатов, а не партию. Многие могли лишиться своих уютных кресел...

Тем не менее в этой зловещей истории было много «темных пятен», весьма интересовавших Романова. И личность руководителя заговора была среди них далеко не последней. Вот почему воспоминания начальника штаба о его участии в подавлении двух контрреволюционных мятежей особенно заинтересовали Михаила Афанасьевича. Он попросил Сергеева рассказать ему об этом подробнее.

– А что об этом толковать? – хмуро отмахнулся полковник. – Кровавые были побоища... Вспоминать тошно. И забыть не могу такое. Так и встает перед глазами, аж дрожь берет.

– Неужто так страшно было?

– Хуже некуда! Мало того, что там в балтийских моряков нещадно палили из всех орудий и пулеметов, уничтожая сотнями, так после взятия крепости Тухачевский приказал расстрелять две с лишним тысячи человек. А еще по его приказу поставили к стенке каждого пятого солдата одного из Ораниенбаумских полков, отказавшегося выступить против мятежников...

Сергеев замолчал и некоторое время сидел молча, твердо сжав губы. Серые глаза его возбужденно поблескивали, а кулаки были крепко сжаты. Видно, полковник и в самом деле не мог избавиться от кровавых видений прошлого.

– На Тамбовщине было еще хуже, – поморщившись, сказал он тихо.

– Это почему же? – не выдержав, спросил Романов.

– Так там же простые крестьяне были. А Тухачевский распорядился применить против них не только простое оружие, а и химическое. Представляешь?... Более двухсот тысяч народу погибло...

Их разговор был прерван сильным артиллерийским залпом. Немцы начали обстрел позиций дивизии.

Глава 8

В эту ночь спать им практически не пришлось. Фашисты чуть ли не до рассвета вели методический огонь, практически не прекращая его. Обычно в темное время они этого не делали...

Романов спрашивал себя: почему? Ответить не мог. Лишь позже он понял, что противник изматывал их, готовясь к масштабному наступлению. А вот с определением времени и места его начала, Михаил Афанасьевич тоже ошибся, за что им и пришлось жестоко расплачиваться...

Ночь еще практически не кончилась. Восток только начал алеть, как наступила вдруг необычная тишина. Мир неожиданно заглох, словно погрузившись в воду, где звуки моментально глохнут. В ушах только звон остается. После длительного несмолкаемой канонады это было настолько неестественно, что Романов растерялся. Что же дальше-то будет?.. Но молчание продолжалось недолго. Взревели танковые моторы, и сразу же снова ударила фашистская артиллерия. Да не в центре обороны дивизии, как Романов рассчитывал, а на ее левом фланге. Именно там немцы на сей раз наносили главный удар.

– Видишь, командир, что они вытворили?! – воскликнул Сергеев, вскакивая. – А я тебе говорил! Они же не дураки. Дважды соваться в одно и то же место не станут. Что будем делать?

Романов и сам прекрасно понимал, что проткнуть линейную оборону танковым клином ничего не стоит. Место очень уязвимое.

– Вот что, Иван Иванович, бери-ка ты противотанковый резерв и быстренько дуй с ним налево. Хотя какая-то там будет поддержка! – распорядился Михаил Афанасьевич, прекрасно понимая, что подмога тамошнему полку будет мизерной. Немцы наверняка бросили в прорыв большие силы.

Бой на левом фланге нарастал медленно, но верно, постепенно приближаясь к КП. Романов прекрасно понимал, что происходит. Фашисты явно прорвали их оборону. Случилось то, что он и предполагал, споря с Жуковым по поводу построения позиций дивизии. Как же все-таки неправ был генерал армии! Но разве его переубедишь?

Пулеметные очереди звучали все ближе, а снаряды рвались уже позади них. Подозвав адъютанта, Романов приказал ему передать всем штабникам, чтобы они немедленно покинули КП и выдвинулись влево, в окопы, заблаговременно вырытые там солдатами по распоряжению начштаба. Молодец он все-таки! Прозорливый малый!.. Сам Михаил Афанасьевич побежал туда же, намереваясь возглавить контратаку, чтобы хоть немного отбросить наступающих немцев. Но до окопов добраться не успел. Рядом разорвался снаряд. Взрывная волна подбросила его кверху и резко швырнула в сторону. Михаил Афанасьевич упал на землю и потерял сознание...

Сколько он пролежал без чувств, Романов не знал, но, наверное, не меньше часа. Очнулся, когда вокруг уже раздавались громкие немецкие голоса. Противник явно занял территорию командного пункта дивизии и, по всей вероятности, продвинулся глубоко в тыл. Это было явное поражение...

Случилось то, чего Романов втайне опасался с самого начала, зная о значительном перевесе сил у фашистов. И как это ни горько было сознавать, он – попал в плен.

Тело заоченело, несмотря на полушубок и теплое обмундирование, одетые накануне, когда им наконец-то привезли зимнюю одежду. Все-таки пролежал Михаил Афанасьевич в снегу контуженным немало. Мороз, правда, был не очень сильным, но все же успел пробраться под мех...

Романов шумно сел. Надо же было что-то делать: живой человек, хочет он того или нет, как-то должен проявлять себя. В этот момент к нему подскочил толстый, круглощекий немецкий солдат и, схватив за правую ногу, стал сдирать с нее сапог. Видно, генеральская обувь очень ему понравилась. Романов, не раздумывая, что есть силы ударил немцу в лицо тем же правым сапогом. Тот отлетел в сторону и, вскочив с искаженным лицом, сдернул автомат со спины и направил его на пленного, явно намереваясь выпустить по нему очередь.

«Вот и все! Конец тебе, Романов! – мелькнуло в голове у Михаила Афанасьевича. – Может, оно и к лучшему...»

Однако солдат не успел выстрелить. К нему быстро подскочил молодой плечистый офицер с возмущенным лицом и с размаху ударил перчатками по щекам. «Не смей, свинья! – закричал он. – Ты что, не видишь, кто перед тобой? Генерал и во вражеской армии остается высоким чином!» Как это ни странно, но во вражеской армии, видно, было воспитано чинопочитание...

Романов хорошо знал язык врага, изучал его еще на курсах повышения квалификации десять лет назад. Затем в академии учился вместе с немецкими офицерами – их в тридцатые годы было немало в наших военно-учебных заведениях. Они часто общались, так что объясняться по-немецки он умел хорошо.

Офицер протянул Михаилу Афанасьевичу руку, помог встать. И Романов от всего сердца поблагодарил его. Тот все-таки спас ему жизнь...

Русских пленных немцы согнали в одну кучу. Их оказалось пятнадцать человек, среди которых был и полковник Сергеев, ставший отныне постоянным спутником Романова на целых три года, оказавшиеся весьма и весьма трагическими.

В глубоком тылу противника, куда их потом перевезли на машинах, добавилось еще четыре десятка бедолаг, оказавшихся в плену. Их сразу же разделили на три группы: отдельно рядовой состав, потом младшие командиры и, наконец, полковники с генералами. Последних чуть позже набралось ровно четверть сотни. Так их всех вместе и привезли в Берлин, разместив в пяти камерах центрального каземата. Тут им и предстояло провести долгие месяцы...

Глава 9

Первые недели плена оказались страшно тягучими. Время будто остановилось. И все они оглохли. Никаких известий в тюрьму извне не попадало. Оставалось только гадать: как там на фронте? Кто побеждает? Вопрос о взятии Москвы не вставал. Все заключенные в душе верили, что столицу конечно же удалось отстоять. А вот как обстоит дело на других участках фронта, мнения расходились. Одни считали, что немцев повсюду остановили; другие, наоборот, полагали, что враг продолжает продвигаться в глубину Советской страны: сил у него предостаточно. Сумел же он захватить такую большую территорию за первые месяцы войны.

Вначале пленных гестаповцы не трогали. Давали, наверное, привыкнуть к пониманию своего бедственного положения, из которого нет, дескать, выхода. Потом стали вызывать на беседу по одному, предлагать сотрудничество. Ничего другого, мол, вам не остается... Но на это согласился лишь один. Это был плюгавенький замкомдива с Ленинградского фронта. Все остальные сразу окрестили его предателем, подлежащим расстрелу. Впрочем, больше его они и не видели...

Романов был согласен с мнением товарищей, но тут же подумал: «А мы, собственно, кто? Раз сдались в плен, неважно, в каком состоянии, – это никого не интересует, – разве не считаемся теперь изменниками, которых нужно немедленно отдавать под трибунал?... Это железный воинский закон, соблюдавшийся с первого дня войны. И это, в сущности, правильно...»

Правда, у Михаила Афанасьевича давно уже появилось сомнение: нужна ли такая жесткость, напоминающая жестокость? Люди нередко попадали в плен случайно, в силу каких-то чрезвычайных обстоятельства, никак не связанных с трусостью. Его пример, да и всех других, сидевших с ним в Берлинской тюрьме, – яркое тому подтверждение. Они же не подняли рук, перед лицом смертельной опасности сражались до последнего. За что же их казнить? Могут же еще когда-нибудь и пригодиться. Патриотами-то своей Родины они быть не перестали...

Через месяц с небольшим пленных стали выгонять на работы. Таскали тяжелые мешки и ящики на складах. Рыли какие-то котлованы под строящиеся военные объекты. Кормили не то чтобы хорошо (в основном кашами и вареными овощами), но голода никто не испытывал, хотя в рационе не было ни мяса, ни рыбы, ни масла. Просто в теле от недостатка калорий чувствовалась какая-то слабость, и таскать тяжести становилось все труднее.

Однажды поздно вечером Романова, который уже ложился спать, неожиданно вызвали из камеры. Он удивился. Для допроса вроде совсем неподходящее время. Дело в том, что немцы во всем любили пунктуальность. Тогда зачем он нужен?

Каково же было изумление Михаила Афанасьевича, когда в кабинете начальника тюрьмы его встретил генерал Власов. Вот уж не думал не гадал Романов о таком свидании...

Андрей Андреевич сильно похудел с лица – морщины разрезали щеки, но оставался все таким же высоким и тучным. Под глазами его залегла глубокая чернота, а тонкие губы были сухими и потрескавшимися. На нем был новый серый мундир без каких-либо знаков различия и наград. Большие роговые очки, как всегда, поблескивали строго и внушительно.

Романов уже знал о том, что Власов тоже попал в плен. Об этом ему рассказал Сергеев, всегда знавший последние новости. Он сообщил при этом очень интересную деталь. Когда 3-я ударная армия, которой командовал Власов, была окружена и почти полностью погибла, не имея ни боеприпасов, ни продуктов питания, Сталин прислал за командующим самолет, чтобы везти его в Москву. Тот отказался лететь, заявив: «Не могу бросить своих погибающих солдат! Совесть не позволяет... Как потом людям в глаза буду смотреть!...» Этот благородный поступок генерала (а Михаил Афанасьевич, зная Власова, не сомневался в том, что так оно и было) восхитил Романова: он, попав в такой жуткий переплет, поступил бы точно так же.

Они обнялось, как старые друзья, попавшие в критическую ситуацию. Оба это прекрасно понимали. Вот только нынешнее положение у них, как выяснилось, было разным...

– Как ты тут бедуешь? – участливо спросил Власов, усаживая старого сослуживца на стул напротив. – Не скис еще совсем?

– Да нет, вроде держусь пока. Как говорится, есть еще порох в пороховницах. Но положение, конечно, ужасное.

– И выхода не видишь?.. А он ведь есть! Нужно бороться, пересмотрев, конечно, кое-какие свои взгляды.

Романов понял, куда клонит собеседник: до него уже донеслись слухи, что Власов служит немцам. Вначале Михаил Афанасьевич не поверил этому. Но, когда увидел старого знакомого в кабинете начальника тюрьмы, понял, что вести о его отступничестве обоснованны... Власов сразу стал ему чужим.

Тот уловил, видно, резкую перемену в настроении Романова и сказал примирительно:

– А ты, Михаил Афанасьевич, не торопись с выводами-то. Поспешешь – людей насмешешь. Так, кажется, знаменитая русская поговорка гласит? Вот послушай, я тебе только некоторые факты изложу... Да ты их и сам прекрасно знаешь... Был голодомор в России в двадцать первом-двадцать втором годах? Был. Он же уйму народа унес... А в двадцать третьем-двадцать четвертом? Опять голод!.. Сколько на сей раз людей было загублено?.. Ты ахнешь! Семь миллионов только в Поволжье!.. А репрессии тридцать седьмого года?.. На твоих же глазах проходили. Самых лучших, опытейших командиров расстреляли. Потому и войну встретили без опытных руководящих военных кадров. Позорно отступали и снова обрекали народ на убой. Сотни тысяч солдат зазря положили. И кто все это делал?.. Большевики! Они ведь всем распоряжались и губили людей, чтобы утвердиться у власти. Ну, разве я не прав?

Монолог был страстный и по сути своей потрясающий. Кажется, даже возразить нечего: против фактов ведь не попрешь! И Романов в душе не мог не признавать этого. Восстало в нем другое... А разве не их коммунистическая партия, несмотря на все огромные потери, сохранила страну, победоносно провела сквозь кровавое горнило Гражданской войны и страшные лишения и, на страх врагам, сделала Советский Союз могучей мировой державой? Разве советские люди не стали в последние годы жить «весело и дружно», как поется в какой-то песне? А кто стоял во главе всех этих свершений?.. Сталин! Да, были у него загибы и ошибки (кто ж не ошибается?), но в основном он победил! Вывел народ к счастливой жизни!

Все эти доводы он после паузы горячо высказал Власову. Тот выслушал его хмуро, угрюмо покачал головой. Помолчал и грустью сказал:

– Да... Не сойдемся мы с тобой, Романов, во мнениях. Мыслишь однобоко. Но чувствую, – не переубедить! А я-то рассчитывал на твою поддержку. Очень ты мне был бы нужен... Я создаю русскую освободительную армию. Но не для войны со своим народом. Мы будем строить новую демократическую Россию, где люди станут жить свободно, счастливо, без каких-либо притеснений и репрессий. И ты мог бы стать моим самым ближайшим помощником в этом справедливом, благородном деле...

Ну что ему мог ответить Михаил Афанасьевич? Быть помощником в создании военной силы, помогающей нацистам воевать против его Родины! Да, какой же честный человек согласится на столь гнусное предложение?

Но он не стал говорить так резко. Понимал, что чувствует Власов, на глазах которого руководимая им армия была уничтожена немцами. Могли же в конце концов оказать ей так необходимую поддержку, ну, хоть какую-то...

Невольно вспомнил свою разгромленную дивизию. Ведь построил они оборону так, как он задумывал, выдержали бы, возможно, еще ни один танковый удар. Особенно, если б им добавили боеприпасов и несколько артиллерийских батарей...

Но что об этом толковать после случившегося? Война не терпит никаких промахов и жестоко за них карает. Надо смотреть в будущее, чтобы впредь не совершать ошибок. И это вполне возможно даже в их трагическом положении...

Расстались Романов с Власовым холодно, понимая, что отныне дороги у них в жизни не только разные, а и прямо противоположные. Прощаясь, Андрей Андреевич со вздохом сказал:

– Разочаровал ты меня, Фома неверующий. А я так надеялся... На вот возьми один документик страшненький, почитай на досуге и поразмысли над ним, – и он протянул Михаилу Афанасьевичу несколько листов бумаги, сцепленных металлической скрепкой.

– Что это?

– Не бойся, – усмехнулся Власов, – не пропагандистская галиматья. Письмо Шолохова Сталину о голодоморе и ответ руководителя кровавых репрессий. Случайно мне попала копия сего документика. Не бойся, не фальшивка. В партийном архиве случайно выкопал недавно.

На том и разошлись старые друзья, чтобы больше уже никогда не встретиться. Каждый пойдет своим путем...

Позже Власов побеседовал и с другими пленными из тюремной команды, в которой был Михаил Афанасьевич. Да и не только с ними. Предлагал, конечно, сотрудничество, обещая всяческие блага. Но поскольку все вернулись в свои камеры и остались там, Романов понял, что никто из них не дал согласия служить в РОА. Его это не столько порадовало, сколько помогло утвердиться в правоте своей собственной позиции. Значит, он был глубоко прав. Ни под каким, даже самым благородным предлогом, не говоря уже о материальных, пускай и больших выгодах, не может настоящий Человек предать свой народ!

Глава 10

Советская авиация стала бомбить Берлин все чаще. Обычно она прилетала глубокой ночью, когда все спали. Но если прежде сигнал воздушной тревоги раздавался раз-два в месяц, то теперь стал звучать каждую неделю. И бомбы стали рваться в городе погуще. Их разрывы были отчетливо слышны в тюрьме. Заключенных, правда, во время налетов еще не выводили. Но как-то одна из бомб угодила в самый дальний зарешеченный корпус, убив несколько человек. На следующую ночь, когда завывала сирена, команду пленных подняли с нар и заставили спуститься в подвал. Немцы, видно, не хотели, чтобы захваченные ими советские генералы погибли.

Пришлось им несколько ночных часов томиться, сидя на полу в низких, пропахших плесенью конурах. Спать им больше не дали: с утра выгнали на работу. А каково это – таскать тяжелые мешки на горбу, когда глаза слипаются от бессонницы и усталость буквально валит с ног?

Но так продолжалось недолго. Однажды утром пленных построили во дворе, после чего, усадив в грузовик, отвезли на вокзал. Там их ждал зарешеченный вагон, в котором они и отправились из Берлина на запад.

К концу дня по надписям на станциях определили, что находятся уже во Франции. Состав резко повернул на север, и они оказались, в конце концов, в старинной крепости, где располагались солидные казематы двухсотлетней давности. В свое время здесь, очевидно, содержались еще сторонники французских революционеров Марата и Робеспьера. Отныне в этом каменном, забытом Богом «мешке» должно было продолжаться их тюремное заключение...

Во время всех этих переездов и перетрясок Романов совершенно забыл о документе, врученном ему на прощание Власовым. Он тогда положил его на дно большой сумки, в которой хранились все его вещи, и даже не удосужился прочитать. И только теперь, уже в Бордо, вдруг спохватился: не зря же Власов вручил ему сию бумаженцию. Видно, для него она многое значила. Надо же знать, что так волновало генерала!

Поспешно достав изрядно помятые листы из баула, он пробежал их глазами и ахнул. Документ был действительно потрясающим: письмо Михаила Шолохова И.В. Сталину, датированное 4 апреля 1934 года, как раз в эпоху развернувшегося тогда в стране страшного голодомора. Знаменитый писатель сообщал вождю, с которым был знаком лично, о страшных безобразиях, творимым тогда во время хлебозаготовок на Северном Кавказе многими партийными деятелями, превратившимися буквально в палачей.

Чем дальше читал письмо Романов, тем ему становилось все страшней. Как могло произойти такое изуверство?! Неужели его допустили такие знаменитые руководители партии, как Молотов и Каганович – ведь именно их политбюро послало на Украину и Северный Кавказ для руководства хлебозаготовками?

Но Шолохову нельзя было не верить. А он писал:

«Вот перечисление способов, при помощи которых добыто 593 т хлеба:

1. Массовые избиения колхозников и единоличников.
2. Сажание «в холодную». – «Есть яма?» – «Нет». – «Ступай, садись в амбар!» Колхозника раздевают до белья и босого сажают в сарай. Время действия январь – февраль. Часто в амбары сажали целыми бригадами.
3. В Вашаевском колхозе людям обливали ноги и подошвы керосином, зажигали, а потом тушили. «Скажешь, где яма? Опять подожгу!» В этом же колхозе подозреваемого клали в яму, до половины зарывали и продолжали допрос.

4. В Наполовском колхозе уполномоченный РК, кандидат в члены бюро МК, Плоткин при допросе заставлял садиться на раскаленную лежанку. Посаженный кричал, что не может сидеть, горячо, тогда под него лили из кружки воду, а потом «прохладиться» выводили на мороз и запирали в амбар. Из амбара – снова на плитку и снова допрашивают. Он же (Плоткин) заставлял одного единоличника стреляться. Дал в руки наган и приказал: «Стреляйся, а нет – сам застрелю». Тот начал спускать курок (не зная того, что наган разряжен) и, когда щелкнул боек, упал в обморок...»

Романов читал эти строки (их было очень много), и у него от возмущения волосы вставали дыбом. А Шолохов между тем продолжал перечислять в своем письме те издевательства и пытки, которым подвергались простые, ни в чем не повинные крестьяне...

Дальше шел ответ Сталина знаменитому писателю. Вождь признавал допущенные извращения и обещал крепко наказать виновных, но в то же время и оправдывал их, потому что уважаемые хлебоборы, дескать, «проводили итальянку» (саботаж) и не прочь были оставить рабочих и Красную армию без хлеба... Вели войну на измор».

Ответ Сталина Михаила Афанасьевича, мягко говоря, не удовлетворил. Тем более, что вождь не мог не знать, что в тот год в России был большой неурожай, и крестьяне сами, порой, сидели без хлеба. Ему бы следовало сурово и без пощады наказать извращенцев и палачей под какими бы удобными пропагандистскими лозунгами они ни прятались. Чтобы впредь это никогда и ни в коем случае не повторялось!

Нет, Романов не осуждал Иосифа Виссарионовича, хорошо зная его лично. Тот был, конечно, резок, прямолинеен и рубил нередко, как говорится, с плеча. Но руководителю такой великой державы, как Советский Союз, следовало бы все же глубже разбираться в том, что творят его партийцы, не давать им распоряжаться, крепче сдерживать репрессии в стране, которые ему же теперь и приписывают...

Раздумья на эту скользкую тему не привели Михаила Афанасьевича ни к чему хорошему. Хотел он того или нет, но не признать вождя в какой-то мере виновным в творимых на Руси безобразиях, приведших народ к голодомору, он не мог. Следовательно, Власов был в какой-то мере прав, выступив против большевиков, допустивших такие страшные репрессии, как против крестьян, так и против военных. И все же это не позволяет человеку, служившему России столько лет верой и правдой, предать ее, да еще в самый критический момент, когда враг напал на твою страну, и речь идет о самом ее существовании. Тут нужно отставить какие бы то ни было сомнения, и все силы отдать защите Родины! На сей счет у Романова не было никаких колебаний.

Тяжкая тюремная жизнь между тем продолжалась. Пленных заставляли работать по десять – двенадцать часов в сутки. К ночи все буквально валилось с ног. Но никто не жаловался. Люди понимали: для того, чтобы выжить и бороться дальше, необходимо стойко вынести все трудности и сохранить веру в будущее. Романова порой удивляло то, настолько терпеливо переносили пленные все невзгоды, при этом, не теряя мысли об освобождении. Разговоров у них на эту тему было много. Бежать из плена во что бы то ни стало было главной мечтой заключенных. Но как это реально сделать, никто не знал. Предлагались самые невероятные планы, осуществить которые было просто невозможно. Решение пришло совершенно неожиданно, и со стороны, которую никто даже предположить не мог...

Глава 11

Обслуживанием гарнизона крепости занимались конечно же французы. Они убрали помещения, отапливали их, водили машины, доставляли грузы, готовили еду, как для немцев, так и для пленных. В основном это были молодые люди, не более тридцати лет, подвижные, даже торопливые и, разумеется, очень послушные. Любое приказание нацистов выполнялось беспрекословно и быстро. И все же что-то в их облике, на взгляд Романова, было... непокорное. Он не сразу понял, в чем тут дело. Лишь приглядевшись повнимательнее и проанализировав увиденное, догадался, что ребята не так однозначны и покорны, как показывают. Взгляды, которыми они порой обменивались, были горячими и непримиримыми, как у затаившихся перед схваткой бойцов. И когда он это понял, то решил попробовать вступить с французами в контакт.

Перетаскивая однажды ящики с углем в котельной, Михаил Афанасьевич столкнулся с высоким стройным кочегаром-французом. Лицо у того было конопатое и очень добродушное, а глаза темные, как угольки, и сверкающие каким-то непримиримым блеском.

Романов почему-то сразу почувствовал к доверие к этому парню. Они познакомились. Кочегара звали Маратом. Говорили по-немецки (оба хорошо знали язык общего врага). В разговоре выяснилось, что француз, как и большинство его товарищей, считали нацистов своими ярыми противниками и работали на них только потому, что больше было негде, а семьи-то кормить надо.

– Ты чего, русский, на меня так пристально смотришь? – неожиданно спросил Марат с доброй усмешкой. – Думаешь, на немцев работаю, значит, служу им?

– Нет, как раз наоборот; что-то в твоём облике свидетельствует о непримиримости, – ответно улыбнулся Михаил Афанасьевич. – Ошалелые глаза тебя выдают. Удивляюсь, как наци того не замечают.

– Так они же считают нас рабами, ни на что не способными. Плевали они на какие-то там взгляды. Горбатишь на них хорошо, – и ладно.

– Значит, это не так?

– Ты догадлив, русский.

– Зови меня батей. Я дивизией командовал. В плен попал контуженным.

– А я и не сомневаюсь в том, что покорно ты никогда не сдался бы. По тебе видно.

– Хорошо, что мы оба можем чувствовать настрой друг друга. И сколько же вас таких непримиримо настроенных?

– Много. Про «маки» слышал? Есть такая партизанская организация у французов. Компартия ею руководит.

– Кое-какие слухи доходили... Только говорили, что вас очень немного.

– Ну, это когда было, года два назад, наверное! С тех пор многое переменялось. Теперь наши ребята и склады немецкие взрывают, и преследуемых людей от гитлеровцев спасают, и воинские эшелоны под откос пускают. Скоро американцы с англичанами тут, на севере страны, высадятся, вот тогда уж мы во всю развернемся! А у вас, пленных, какое настроение? Бежать не охота?

– Еще бы... Только об этом и мечтаем! Но не знаем, каким образом это сделать. Может, поможете?

– Это надо с ребятами обмозговать. Денька два подождите...

На том они тогда и расстались. В тот же день вечером Романов рассказал своим товарищам по несчастью о разговоре с Маратом. Весть о том, что можно связаться с «маки», была встречена с энтузиазмом – все давно мечтали о побеге. Строили даже на сей счет какие-то

планы, хотя и понимали, что они нереальны: крепость хорошо охранялась, и немцы следили за каждым шагом пленников.

Новая встреча с Маратом, как они и договорились, состоялась через пару дней в той же котельной, куда Романов снова привез со склада тачку угля. На сей раз француз был более общителен и добродушен. Он даже пошутил: все ваши, дескать, уши, наверное, наострили, услышав про меня. На что Михаил Афанасьевич ему серьезно ответил, что безвыходность их положения в немецком плену заставит кого хочешь хвататься за соломинку.

– Мы с ребятами обсудили ваше бедственное положение, – посерьезнел Марат. – Выбраться из крепости, конечно, очень и очень нелегко. Но невозможных вещей не бывает. В конце концов, всегда находится выход.

– И какой же, по вашему мнению?

– Да самый простой должен быть. Чтобы противник о нем даже подумать не мог. Все, что угодно, мол, только не это.

– Интересная постановка вопроса... – усмехнулся Романов. – Но довольно занятная и, я бы сказал, непредсказуемая. И что же может быть столь неожиданным для наших охранников?

– Надо прорываться не черными ходами и закоулками, а напрямик.

– Что ты имеешь в виду конкретно? Я что-то не понимаю...

– Ребята вот что предлагают, – Марат хитровато прищурился. – Надо ломануться через главный вход. Немцы даже представить себе не могут такой вариант. Периметр окружен рвом и колючей проволокой, усиленно патрулируется, а у въездных ворот только стража небольшая стоит.

– Но на башнях же часовые с пулеметами сидят. Нас сверху всех перестреляют.

– А вот это уж наша забота: снять их! Чуть поодаль разрушенные здания стоят. Вот туда мы снайперов и посадим.

Романов оторопело посмотрел на собеседника. То, что предлагал Марат, показалось ему слишком примитивным. Представить себе что-либо подобное не представлялось возможным. Но тут же мелькнула мысль: а может, секрет как раз в том и состоит? Никто никогда ж не подумает, что может произойти именно так. Ай, да французы – молодцы! Головы у них работают, дай бог! Но в словах его еще прозвучало сомнение:

– Полагаешь, получится?

– Не сомневаюсь, – твердо ответил Марат. – Чем непредсказуемее будут наши действия, тем сильнее возникнет паника у немцев и больше шансов на успех. Обмозгуйте все это в своем кругу. Подходит вам такой план или нет?

Когда ночью Романов рассказал сокамерникам о сделанном Маратом предложении, наступила долгая пауза. План, как и для него вначале, показался почти фантастическим. Но «помозговав», генералы пришли к выводу, что все, возможно, может удасться...

Следующие несколько дней ушло на подготовку операции. Марат тайком принес им пяток револьверов, патроны и несколько гранат. Привыкшая к тишине и спокойствию охрана умудрилась ничего не заметить. К тому же гитлеровцы были обеспокоены положением на Восточном фронте: Красная армия подходила уже к границам Германии. Было от чего тревожиться!

Выступать решили в воскресенье, когда немцы отдыхают и больше расслаблены. И не ночью или на рассвете, как полагал вначале Романов, а в полуденное время: конвойные как раз обедают.

Все произошло быстро и без особых потерь. Марат с парой своих товарищей проникли из кочегарки к камерам и сняли трех часовых. Распахнув двери, выпустили пленных. И те помчались по узкому коридору к выходу.

На пути смели еще двух конвойных. Схватка завязалась у главных ворот. Но тут к русским присоединилось несколько французских ребят. Они смели охрану, потеряв всего двух

человек, и выскочили из главные ворота. Часовые на близлежащих вышках, как и предусматривалось планом, были сняты снайперами «маки». В общем все получилось как нельзя лучше.

А за воротами к ним подкатил грузовик, пригнанный одним из товарищей Марата. Где уж они его достали, один Бог ведает.

Ну а дальше пошло еще быстрее. Немцы были, конечно, в растерянности от столь дерзкого, совершенно непредсказуемого нападения и запаниковали. Понадобилось какое-то время, чтобы они опомнились. Пленные успели сесть в машину и уехать. Погоня за ними устремилась не сразу, и они успели добраться к морю. А там беглецов уже ждал парусник. Теперь их было не догнать. Подняв паруса, взяли курс на Англию.

Глава 12

Посадив героев в порту на легковые машины, их сразу повезли в Лондон. На улицах столицы бывших пленных радостными криками встречали толпы народа. Потом их сразу же пригласили на торжественный митинг, который состоялся в центре столицы Великобритании, на одной из площадей. Выступить пришлось Романову и еще нескольким генералам. А что они могли сказать? Только то, что выполняли свой воинский долг и готовы пожертвовать жизнями для победы над фашистами.

Вечером состоялся прием у вице-премьера. Он лично пожал каждому руки и сказал несколько слов. Потом был шикарный банкет – бывшие пленные давно так не ели (у некоторых потом даже животы разболелись и пришлось принимать лекарство). Все остались страшно довольны – честно говоря, никак не ожидали такой волнующей встречи в чужой стране.

Романов был буквально потрясен. Англичане, конечно, их союзники, снабжали Красную армию оружием, боеприпасами, теплой одеждой и консервами. Немало их кораблей погибло в северных морях при доставке в СССР грузов. Но чтобы столь любовно и почтительно относиться к советским военным, пусть даже они совершили что-то героическое, – этого он и представить себе не мог. А как бы у них на Родине вели себя люди, окажись они в такой ситуации?.. Ничего подобного он представить не мог. Неужели он сам и его земляки менее эмоциональны?

Ответить на эти вопросы Михаил Афанасьевич сразу не мог. Но, подумав немного, понял, в чем тут дело. За годы советской власти народ приучили к сдержанности...

Поймав себя на столь крамольных мыслях, Романов даже ощутил холодок под сердцем. Неужели он скатывается к позиции того же Власова? А как же тогда коллективизация и индустриализация, сделавшие Советский Союз сильнейшим государством мира? А рост обороны страны, укрепление его могучей армии?.. Да разве смогли бы они иначе победить гитлеровцев? Вот уже до границ Германии Красная армия дошла – это писалось во всех английских газетах... Нет, тут должна быть золотая середина. Нельзя склоняться в одну – критическую сторону. Положительного было все-таки значительно больше. И в том главная заслуга Сталина, да и всей Коммунистической партии...

Через несколько дней их пригласили в королевский дворец. И тут случилось невероятное. Оказалось, что Романов, как возглавлявший подвиг российских пленных, по решению британского правительства был удостоен ордена Бани – высшей английской награды. Об этом во всеуслышание и объявили на раунде в знаменитых апартаментах королевы.

Орден Михаилу Афанасьевичу был тут же вручен. Все присутствующие сердечно поздравили его, пожелав дальнейшего благополучия на службе Родине. Романов был, конечно, тронут, но тут же подумал о том, как сие отличие воспримут у него дома: тем боле что его, как это ни странно, одного наградили за рубежом из всех оставшихся в живых двадцати двух человек. Как бы еще не осудили...

Михаил Афанасьевич знал отношение высшего руководства Советского Союза к подобным актам – они не поощрялись (история показала, насколько он был прав)... Однако тогда, принимая искренние поздравления официальных лиц и своих товарищей, Романов был тронут.

Позже, перебирая английские газеты, он понял, почему так высоко была отмечена его роль во всем случившемся. Слишком уж много написали об умелом и геройском руководстве побегом российских пленных на страницах печати, явно преувеличив его заслуги. Но изменить что-либо было уже нельзя...

Следующие пару недель прошли, как в тумане. Их беспрерывно возили по разного рода митингам и собраниям. Заставляли выступать, повторяя одно и то же. К тому же каждая такая

встреча оканчивалась «небольшим банкетиком». А людям, не принимавшим спиртного много месяцев, подобная алкогольная нагрузочка была просто не под силу... Но и отказаться от мероприятий, устраиваемых местными властями, было просто невозможно. А им всем так хотелось поскорее вернуться домой, увидеть родных и близких, с которыми они уже не чаяли встретиться!

Наконец наступил день, когда англичане решили-таки отправить советских офицеров в Москву (им заранее сообщили об этом, вызвав неподдельную радость). На другое утро всех посадили в самолет, и они наконец-то полетели на Родину. Вот только в столице Советского Союза их ждал совсем не торжественный прием...

Вообще-то Романов предполагал, что их возвращение окажется не столь радостным, как многие надеялись, что будут известные «шероховатости». Но чтобы случилось такое, что произошло на самом деле, он даже мысленно не мог себе представить.

Спускающихся из самолета по трапу внизу ждали десятка полтора чекистов в строгой форме и с автоматами. Лица их были суровыми, если не сказать, враждебными. Никаких приветствий с возвращением на Родину, разумеется, не звучало. Всю группу бывших пленных, словно они ими и оставались, быстренько взяли под конвой и молча повели к грузовику, стоявшему неподалеку. Погрузив в кузов и окружив охраной, быстро повезли в город. За все время пути ни разу не останавливались. Разговаривать было строжайше запрещено. Не прошло и часу, как они очутились – Романов даже в самом крошечном сне предположить этого не мог – во дворе Бутырки. Тяжелые тюремные ворота медленно захлопнулись за их машиной. Высадив всех из кузова, построили в две шеренги и развели по камерам...

Глава 13

Позже Михаил Афанасьевич не раз с тяжелым сердцем вспоминал их заключение в тюрьму по приезде домой. Он не понимал: разве нельзя было поместить вырвавшихся из плена генералов в какое-нибудь приличное помещение, пусть даже изолированное? Они же не думали скрываться, бежать от допросов или что-то утаивать. Были все на виду, в готовности отвечать на любые каверзные вопросы. Кто ж это до такого додумался?!

Этот каверзный вопрос он вскоре задал не кому-нибудь, а самому Лаврентию Берии. Тот через несколько дней сам приедет в Бутырку. И не к кому-то из двадцати двух бывших пленных, а именно к Романову...

Поздним вечером в камеру к Михаилу Афанасьевичу ввалился сам начальник тюрьмы – грузный полковник с отвисшей челюстью и изрядным брюшком. Внимательно осмотрев помещение, он поинтересовался, нет ли у задержанного каких-либо претензий к содержанию: хорошо ли кормят, достаточно ли тепла для обогрева?

Романов даже удивился. С какой стати такой высокий чин интересуется житейскими делами своих подопечных? Такого еще никогда не было... Однако через полчаса все стало понятно. На пороге появился Лаврентий Павлович Берия. Сверкая очками, протянул руку, чего Романов никак не ожидал и, поздоровавшись, неожиданно сказал:

– Рад видеть тебя целым и невредимым, Романов. Признаться, никак не предполагал, что когда-нибудь буду лицезреть тебя живым и здоровым. Хорошо сохранился, хотя было, наверное, ой, как нелегко?

– Да уж чего скрывать, – усмехнулся Михаил Афанасьевич. – Досталось нам всем изрядно. Немцы с пленными не церемонились.

– Даже с генералами?.. А мне докладывали, что условия для вас создали весьма терпимые. Разве не так?

– Ну, это как посмотреть... Тюрьма есть место заключения, где все сидящие там равны. Никому никаких поблажек. У нас ведь тоже так.

Берия присел на одинокий стул возле привинченного к стене крохотного столика, окинул взглядом камеру и вздохнул:

– Пожалуй, ты прав, Романов... – И помолчав, снял очки, протер платком, извлеченным из кармана, и, водрузив их на место, тихо и даже немного сочувственно сказал: – Небось на волю душа рвется?

– Еще бы! Одного только не понимаю, зачем нас дома-то в тюрьму упекли? Мы ведь бежать не собирались. На все вопросы готовы были дать ответы. А за решеткой уже немало насиделись у фрицев. Жизнью рисковали, чтобы вырваться оттуда.

Насупившись, Берия сердито посмотрел на собеседника и резко отчеканил:

– Порядок такой! Надо ж было во всем разобраться. Не допустить никаких послаблений. Вы же все-таки в плену были.

– Но и бежали оттуда с боем, рискуя жизнью. Двое погибло!

– А вот в этом во всем нужно было еще разобраться.

– Так в английской печати все было прекрасно описано.

– Мало ли что наболтают иностранные газетчики. Мы по своим каналам проверяли.

– И как, убедились?

– Теперь да. Особенно в том, что касается твоей особы. Претензий нет. – Берия снова выразительно помолчал и вдруг с неподдельным интересом спросил: – Ты с Власовым в плену сталкивался?

Романов понял, что собеседник, конечно, знает об их встрече с командующим РОА и не зря задает этот вопрос. Личность Власова его, видно, очень интересует. Тот ведь до сих пор не пойман и продолжает свою предательскую деятельность.

– Так точно, Лаврентий Павлович.

– И что же он тебе предлагал?

– Служить вместе с ним, воевать против большевиков, которых он ненавидит. Место своего зама обещал дать... Я, разумеется, сразу же наотрез отказался. Идти против своего народа – страшнее преступления не бывает!

– Правильно. Молодец, Романов!.. За тобой вообще никаких грехов в плену, – мы это проверили. Завтра тебя из Бутырки выпустят... Что ты намерен дальше делать? Где работать?

– Так я же армеец до мозга костей! Больше ничему не обучен. Хотелось бы на службе остаться.

Берия задумался. На его высокий лоб набежали тугие морщины, а глаза за стеклами очков потемнели.

– Понимаешь, Романов... – медленно протянул он. – Есть строжайшее указание: бывших пленных в армии не возвращать ни под каким предлогом. Только сам, – поднял он палец, – может это решить. – Посмотрев на сразу помрачневшего Романова, понятиливо хмыкнул: – Ладно. Я сегодня у него буду, попробую доложить. Только ничего заранее не обещаю. Как он решит, так и будет!..

На том они пока и расстались.

Ночью Романов долго думал об этой встрече. Он, конечно, многого не знал о Берии, но основные этапы пути того во власти были знакомы. Там было немало черных, буквально трагических страниц. Одна из них хорошо запомнилась Михаилу Афанасьевичу, ставшему свидетелем многих страшных репрессий тридцать седьмого года. Лаврентий, будучи перед войной близок к Сталину, по его заданию вместе с Маленковым и Микояном проводил чистку партийных органов в Армении и Грузии. Пострадали тысячи честных людей, вина которых была совершенно не доказана. По малейшему подозрению и доносу коммунистов, всю жизнь свято боровшихся за советскую власть, хватали без разбора и решением «тройки», без суда приговаривали к высшей мере наказания, в лучшем случае – к длительному заключению. Закавказье тогда буквально умылось кровью. Руководил Берия и операцией по выселению чеченцев, ингушей, курдов, крымских татар и месхетинских турок уже во время войны. Тоже было загублено много народа...

Но знал Романов и другое, не менее важное: о реабилитации тысяч армейцев в предвоенные годы. Тогда Берия возглавлял НКВД, и без его разрешения ни одного заключенного не отпустили бы. Проявил себя Лаврентий уже в войну и в руководящей области. Будучи заместителем председателя Государственного комитета обороны и отвечая за производство боеприпасов и вооружений для фронта, он обеспечил их производство в необходимом количестве, чем во многом обеспечил нашу победу.

В ту последнюю тюремную ночь Романов почти не спал. Если и вздремнул немного, то перед самым рассветом. Все остальное время в голове его была сумятица: то вспоминалось далекое прошлое, то переносился он мысленно в сегодняшний день, то думал о будущем, представлявшемся почему-то совсем не радужным. Ведь клеймо пленного, как бы ты потом ни отличился, все равно останется с тобой... А его ой как нелегко нести! Не станешь же каждому доказывать, что очутился ты в руках врага не по своей воле, а в весьма плачевном физическом состоянии, что никогда и в мыслях не допускал измены Родине и боролся с врагом в любых, самых невероятных условиях... Кто у нас правильно поймет и оценит такое? Это за границей сумели осознать случившееся и даже наградить его орденом. А в России-матушке тут царит полный беспредел: Женевскую всемирную конвенцию о бережном отношении к военноплен-

ным заткнули за пояс... Да о ней просто никто не знает, и несчастных людей, попавших случайно и уж, конечно, не по своей воле в руки врага, пусть даже отличившихся потом в боях, все равно клеймят беспощадно...

Все самые худшие опасения его оправдались буквально на другой же день. Утром после завтрака его снова посетил Берия. Он сдержал свое обещание; поговорил с Верховным насчет Романова. Когда Лаврентий сообщил об этом Михаилу Афанасьевичу, у того сердце замерло.

– И что же сказал товарищ Сталин? – со страхом спросил он, не ожидая ничего хорошего.

Берия был умнейшим мужиком и сразу понял, что творится в душе у собеседника. Он усмехнулся и, неторопливо поправив очки, одобрительно протянул:

– Он понял твоё стремление остаться в армии и даже одобрил его. Все правильно, сказал, у военного человека служба всегда стоит на первом месте. Вот только два условия имеются для того, чтобы снова надеть тебе погоны.

– Какие? – почему-то с ещё большим страхом, словно предчувствую какой-то подвох, спросил Романов хриплым голосом.

Берия посмотрел на него с пониманием, вздохнул и тихо пояснил:

– Генерала мы тебе дать не можем. Все-таки плен!.. И потом, надо сдать орден Бани. Вернуть его в английское посольство. Сам понимаешь, негоже советскому офицеру носить заграничную бляшку... Только давай без выпендрежа, Романов! Скажи сразу – да или нет.

Что оставалось делать Михаилу Афанасьевичу? Отказаться от возвращения в армию он просто не мог. Все его существо восставало против. И в то же время было так смертельно обидно...

– Может, в гражданке тебе работенку подыщем? – после паузы смущенно предложил Берия, заметивший колебания и неуверенность Романова. – Там тоже дел невпроворот.

– Нет! – уже твердо и безоговорочно заявил Михаил Афанасьевич. – Вся моя жизнь принадлежит армии!

– Я почему-то был уверен в этом, – сказал Берия со вздохом облегчения. – Ну, будь здоров! – протянул он руку.

На том они и расстались, чтобы больше уже никогда не увидеться...

Через пару часов Романов, получив все свои вещи и необходимые документы, покинул Бутырку.

Глава 14

Возвращение Михаила Афанасьевича домой было воспринято с огромной радостью. Все близкие и друзья обнимали и поздравляли его, натащив вина и разных закусок, устроили настоящий пир. Жена знала о его пленении и, поскольку никаких сведений о судьбе мужа больше не получала, считала, что он сгинул, и она осталась одна с чужим ребенком на руках.

Сама Виноградова (в замужестве она оставила свою девичью фамилию – так ее все знали на службе) продолжала работать начальником «Военторга». Ей подчинялись десятки людей и дел было невпроворот, так что уделять время воспитанию девочки не было никакой возможности. Этим занималась нанятая ею няня, а потом воспитатели детсада и учителя школы.

Катюшка подрастала, и отношения между ними становились все прохладнее и острее. Привыкшая к безусловному повиновению подчиненных, Юлия Борисовна требовала того же и от названной дочери, не терпела никаких возражений. А та, росшая в одиночестве и привыкшая поступать по-своему, нередко перечила ей и в результате очередного скандала получала строгие наказания. Отношения их ухудшались с каждым годом. И Романов не мог этого не заметить.

Радость его возвращения была тем самым сразу омрачена. Оставшись вскоре наедине с дочерью, он напрямик спросил ее:

– Скажи мне откровенно, Катюша, у вас с матерью нелады?

Та опустила глаза и, помолчав, тихо уронила:

– А у меня нет матери.

– Кто же тогда вырастившая тебя Юлия Борисовна?

– Ну что ты спрашиваешь, папа? – поморщилась дочь. – Прекрасно же знаешь...

– Я хочу это услышать от тебя, дорогая. Только честно!

Катерина резко посмотрела ему прямо в глаза и, поджав губы, неожиданно выпалила:

– Злая мачеха!

Михаил Афанасьевич ожидал услышать все, что угодно, только не такое заявление, и растерялся. Дочь по прямой натуре, видимо, была вся в него... Помолчав, сдавленно спросил:

– Неужели все так плохо?

– Хуже, думаю, не бывает.

– Ну и что же мы будем делать в таком случае? Может, мне сразу развестись с Виноградовой?

Она посмотрела на него укоризненно.

– Ну что ты, папа? К чему такие опрометчивые решения! Вы же с ней раньше хорошо жили. Зачем же вдруг все рушить? А я уже притерпелась, привыкла. Да и она при тебе, надеюсь, не будет ко мне столько резка и непримирима. Давай не будем торопиться с выводами: жизнь покажет, как лучше поступать дальше.

Романов посмотрел на дочь не без удивления. Такая маленькая, еще девчушка, а рассуждает здорово, словно философ. Молодец! Вот как, значит, жизнь ее выучила...

Откровенный разговор с женой на эту же тему оказался тоже не из легких. Юлия сразу поняла, в чем дело, и резко спросила:

– За дочку решил заступиться? Уже пожаловалась... Да ежели их, молодых, в руках не держать, знаешь, что может получиться?

– Но надо ж и меру знать, наверное, – возразил Михаил Афанасьевич и, обняв жену, по которой очень соскучился, примирительно сказал: – Давай не будем ссориться. Нужно только нам помягче друг к другу быть. Мы – единая неразрывная семья. В заключении я это особенно остро почувствовал. И готов все силы приложить для того, чтобы мы все были счастливы.

Наверное, супруга поняла его и в душе согласилась, потому что сказала:

– Я так рада, что ты все-таки вернулся! Поэтому готова душу заложить для того, чтобы жить мирно и дружно.

На том и порешили. Все начать сначала. Изгнать из жизни любые ссоры и недомолвки, чтобы во взаимоотношениях был покой и обоюдное согласие...

Задумано все было отлично, а вот складывалось на деле не совсем ладно. Слишком разные были характеры у всех троих. Поэтому и возникали различные недомолвки и конфликты. Тем более, что вскоре им пришлось расстаться, и довольно надолго.

Романов поехал к своему новому месту службы – в Уральский военный округ. А Юлия Борисовна не смогла последовать за ним: с работы ее не отпускали. Ведь еще шла война. Пусть наши войска уже захватили Берлин, и победа была совсем близка, но порядки на службе оставались строгие. Да и Катюшка должна была закончить учебный год в той школе, где начала.... Поэтому в Свердловск Михаил Афанасьевич поехал один.

Свое назначение Романов воспринял несколько иронически. Вот уж никогда не думал, что ему в армии придется заниматься снабженческими делами. А это как раз в основном и возлагалось на зама по тылу, которым он стал. Но возражать не имело смысла: спасибо надо было сказать, что получил хоть такую должность. О командной работе, на которую просился Михаил Афанасьевич, следовало пока забыть. Так ему и сказали в отделе кадров, еще в Москве.

Ощущение своей неполноценности не покидало Романова. Избавиться от клейма «ущербного вояки, побывавшего в лапах врага», никак не удавалось. А ведь Михаил Афанасьевич выполнил все тяжкие условия, о которых объявил ему Берия... Согласился стать лишь полковником. Сдал орден Бани в английское посольство (это было особенно тяжело – награду-то он получил действительно за героический поступок).

Вместо того чтобы заниматься своим любимым и весьма результативным делом – обучением и воспитанием солдат, подготовкой их к бою, Романову пришлось доставать портянки и штаны, картошку и пшенку, штыки и патроны. А он совсем не был обучен этому. Поэтому и выходило коряво, с какими-то изъятиями. То одно не получалось, то другое... На Михаила Афанасьевича вскоре стали поэтому смотреть, как на неумеху. А командующий округом и вовсе махнул на него рукой. Не такого он ждал зама по тылу. Однажды вызвал Романова к себе и сказал:

– Ты уж лучше, полковник, никуда не суйся. Без тебя все сделают, как надо. Изучай пока новое дело. Я понимаю: ты строевик, а в тыловые дела надо вникнуть не только поглубже, а и быть оборотистым малым, готовым на неудобные и порой даже шокирующие компромиссы.

Что мог ответить Михаил Афанасьевич? По сути, ничего, разве что сказать: не получится из меня ловкого дельца, способного лукавить и обманывать других, не приучен с детства этого делать и не собирается тут менять что-либо. Но командующий, видно, и сам понял, в чем дело, вздохнул и устало обронил:

– Ладно, Романов... О твоих героических и очень тяжелых приключениях я осведомлен. С честью ты все выдержал... Но пойми: мне нужен толковый хозяйственник, способный во что бы то ни стало, любыми способами обеспечить войска всем необходимым. Наступило послевоенное время. Все переходят на мирную продукцию. А нам же только военная нужна. Вот и думай, как ее получить, несмотря ни на что...

Однако перестроиться Михаил Афанасьевич все же не смог, как ни старался. Натура не позволяла. Так и оставался он в штабе округа «белой вороной», неумехой, не способным выполнить поставленные перед ним задачи. Это в основном стали делать за него замы и другие работники тыла...

Через год с небольшим жена с дочкой переехали наконец в Свердловск. Юлия Борисовна вскоре нашла работу по специальности – при ее опыте и железном характере это оказалось совсем нетрудно. Катюшка заметно выросла и повзрослела. Фигура у нее окончательно оформилась. Она стала статной и строгой: эдакой кареглазой, изящной красавицей. Романов стал замечать, как парни частенько бросают на нее восхищенные взгляды.

Жизнь на новом месте постепенно налаживалась. Не без изъянов, конечно, особенно в служебных делах, но сносно и привычно. Отношения с сослуживцами со временем улучшились, с некоторыми стали совсем дружескими. В семье тоже царили мир и спокойствие. Конфликтов, во всяком случаях, не было, что Романова вполне устраивало. Он надеялся, что и в дальнейшем они сумеют сохранить это благоприятную атмосферу, и ему спокойно дадут дослужить до старости.

Однако, как это не раз случалось в его исковерканной жизни, вскоре случилось самое невероятное. Опять пришла большая беда, если так можно назвать грандиозный конфликт, возникший у Михаила Афанасьевича с новым командующим округом...

Глава 15

Назначение Жукова командующим Уральским военным округом оказалось для Романова совсем неожиданным и очень неприятным. Он отлично помнил свои прежние стычки с маршалом и до войны, и особенно во время битвы за Москву. Именно тогда, выполняя в корне неправильные указания Жукова по перестройке обороны дивизии, Михаил Афанасьевич и потерпел поражение от наступавших немцев, закончившееся его пленом. Такое разве забудешь?!

Интересным было и то, почему прославленного полководца снова турнули подальше от Москвы? Для исправления обнаруженных у него некогда недостатков достаточно было бы и Одесской эпопеи... Неужели опять Берия постарался? Романов знал о том, что Лаврентий Павлович давно недолюбливал Жукова и всячески старался отдалить его от Сталина, который приблизил к себе Георгия Константиновича, особенно в войну, сделав своим заместителем. Но маршал, конечно, здорово вознесся, возомнив себя величайшим полководцем, выигравшим все основные битвы минувшей войны, за что и был наказан еще в сорок восьмом году. Сталин тоже не любил зазнаек, хотя и очень ценил Жукова...

Но о причинах нового назначения маршала в УралВО можно было лишь догадываться, особенно если не знаешь теперешних московских интриг и подводных течений среди руководящей элиты. Прежде-то Романов, служа в практически «придворной» дивизии, был в курсе всяких закулисных дел, а теперь мог только гадать, отчего и как произошло то или иное событие.

Готовясь к первой встрече с Жуковым, Романов долго и тщательно обдумывал свое поведение. Ластиться он не хотел, да и не умел. Это унизило бы его, чего Михаил Афанасьевич никак не мог себе позволить. Но и «вставать не дыбы» тоже, конечно, не следовало. Человек-то он все-таки рассудительный и понимает, что лояльность к начальству в его поведении должна присутствовать, как и строгость, основанная на собственном достоинстве...

Жуков заметно постарел – ему было все-таки уже за пятьдесят. Да и нервнотрепка последних лет не могла не сказаться. На жестком, строго высеченном лице его появились морщинки, а в густых темных волосах заблестели белоснежные седины. Да и глаза смотрели не так строго и вопрошающе, как раньше. В них стала проглядывать какая-то грустная усталость.

– Вот мы и снова столкнулись, Романов, – сказал маршал с легкой усмешкой, вызвав его в свой кабинет. – Давненько не виделись.

– С сорок первого года. Целых семь лет.

– Да-а... – протянул Жуков задумчиво, поглаживая рукой слегка впалые щеки. – Целая вечность прошла. Войну надо не по годам считать, а по тысячам жизней, отданных во имя Победы... Да и после нее тяготы не уменьшились. Людям страшно тяжело жилось: надо ж было заново возродить огромную часть страны. – Он помолчал и тихо добавил: – Слышал о твоих мытарствах, Романов, слышал... Не позавидуешь. Как дальше-то служить думаешь?

– Это уж как получится, товарищ маршал. Заранее предсказать трудно. В народе говорят: как карта ляжет... Гнутья, во всяком случае, думаю, не стоит.

– А ты, вижу, все такой же норовистый, Романов... Не повлияли на тебя невзгоды. Ершистым был, таким и остался.

– Есть с кого брать пример, – неожиданно улыбнулся Михаил Афанасьевич.

– И кого же ты имеешь в виду?

– Так вас же, товарищ маршал.

– Значит, считаешь хорошим примером для подражания? – засмеялся Георгий Константинович. – Ну ты даешь, Романов!

Несмотря на некоторую шутливость в их разговоре, Михаил Афанасьевич понял, что Жуков по-прежнему крут и не терпит возражений. А поскольку и он не изменился, то служить вместе им будет трудновато. История показала, что Романов не ошибся...

Между тем в семье у него снова начались нелады. Повзрослевшая Катерина совсем перестала слушаться Юлию Борисовну – все ее замечания она воспринимала настороженно и не считала нужным, как правило, на них соответствующе реагировать. Михаил Афанасьевич несколько раз серьезно беседовал с дочерью, просил быть любезней и все-таки слушаться хозяйку дома, чтобы в семье были мир и покой. Она обещала и некоторое время старалась не дерзить, но это плохо у нее получалось. И опять начинались ссоры...

Обстановка особенно обострилась с началом летних каникул. Группа из класса, в котором училась дочь, – человек пятнадцать – решила совершить недельное «турне» по Уральскому предгорью. Катерина стала собираться в поход. Вот тут-то Юлия Борисовна и взбунтовалась: она строго-настрого запретила дочери участвовать в этом паршивом «турне».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.